

Николь Гарсия - о союзнике на съемках «Противника»

Мишель БАИЕН

В новом фильме Николь Гарсии «Против и в н и к» (L'adversaire) рассказывается подлинная история Жан-Клода Романа, который долгие годы обманывал близких, выдавая себя за преуспевающего врача. Когда возникла угроза, что его ложь раскроется, он убил своих родителей, жену и детей.

Николь Гарсия рассказывает о фильме и исполнителе главной роли Даниэле Отее.

— Вы уже говорили, что писали сценарий «Противника» без прицела на какого-то актера, и что Даниэль сам предложил вам свою кандидатуру. Что именно заставило вас пригласить его? Есть ли в фильмографии Отея какая-то роль или какая-то сцена, которая помогла вам принять решение?

— Я впервые по-настоящему увидела Даниэля только в «Жане Де Флоретте». Я была потрясена сценой, когда он ворвался на экран с криком: «Манон, я люблю тебя!». Я помню, что смотрела этот фильм на кассете, вместе с Жан-Луи Трентиньяном, когда мы ездили на гастроли со спектаклем «Двое на качелях». Эта сцена потрясла нас обоих. Он сыграл так мощно, продемонстрировал такое смятение... С тех пор я перед выходом на сцену тихонько повторяла: «Манон, я люблю тебя!» — чтобы войти в нужное настроение, разорвать занавес обыденности, подняться над миром. Эти слова звучали как молитва, и со мной действительно что-то происходило, его искусство помогало мне войти в нужное состояние. Потом я увидела его в фильме «Зимнее сердце» Сотэ, и он играл человека, совершенно не похожего на страстного Уголена. В «Зимнем сердце» он все время совершенно невозмутим, у него неподвижное, равнодушное лицо, и все же на нем видны мельчайшие эмоции. Его лицо — загадка, тайна, которую хочется расшифровать. Но для этого нужно быть внимательным и чутким, иначе легко обмануться. Поэтому он и стал для меня одним из самых интересных актеров поколения. Поэтому я и решила взять его на роль.

— Ему удалось вас удивить? Обнаружили ли вы в нем что-нибудь такое, о чем раньше не подозревали?

— Его безоглядность. Не просто вклад актера в роль, но полная, бесповоротная преданность работе. Мало кто из актеров может пойти до конца в роли убийцы и психопата. Растворяться в таком персонаже тяжело и небезопасно, актеры всегда стараются оставить зазор между собой и ним. Даниэль — очень опытный, техничный актер, но он инстинк-

тивно ощущает момент, когда приемы перестают работать, и единственный способ играть убедительно — это стать персонажем.

— Даниэль рассказывал, что ему не хотелось заниматься, изучать конкретное дело, не хотелось знакомиться с реальным Жан-Клодом Романом, не хотелось посещать места его преступлений, не хотелось читать отчеты психиатров, да и вообще книги посвященные психологии убийц. Как же он готовился к роли?

— Мне трудно ответить на этот вопрос. Я точно помню, что он позвонил мне через два часа, после того, как прочитал сценарий. Он сказал, что очень хочет играть эту роль. Что испытывает, как он выразился, ощущение, что ему кто-то приказывает играть. С этого момента все пошло очень быстро. Примерка костюмов, первые фотопробы — и вот уже перед нами готовый персонаж.

— Но вы замечали какие-то признаки работы над ролью?

— Наверное, вы удивитесь, но я должна сказать вам, что пару раз я заставляла Даниэля в гримерной в процессе переписывания своих диалогов! Думаю, он не обидится, если я выдам его тайну. Он сидел и переписывал слова, как школьник переписывает тетрадку задачи из учебника. Думаю, ему нужно было сделать эти слова своими. Написанные его почерком, они обретали для него новый смысл, стирали грань между ним и персонажем.

— Были ли попытки импровизаций с его сторонами?

— Я не знаю, любит ли

он импровизировать, но на этом фильме импровизаций не было. Впрочем, я полагаю, что он по-разному работает над разными ролями. Мне кажется, что он мог бы работать, почти не зная текста, хотя в нашем случае тексту придавалось очень важное значение. Каждое слово тщательно взвешивалось и оценивалось. Да что там слово — каждая запятая! Словно Даниэль знал, что ему нужно строго держаться в рамках текста, чтобы сохранить остатки контроля над собой.

— Как он вел себя на съемочной площадке?

— Опять же я не знаю, как он работает с другими режиссерами, но на нашей съемочной площадке он был совершенно открыт любым предложениям. Он постоянно спрашивал советов, указаний, причем мгновенно обживал их, обживал до такой степени, что они перестали быть моими идеями и превращались в его идеи! Он играл так, что я вообще забывала обо всем. Он настолько погружался в роль, что не могло быть и речи о столкновениях честолюбий и так далее. Я только повторяла: «Как он смог это сделать?» Не только на съемках, но и при монтаже. Когда монтируешь фильм, тебе приходится смотреть на работу актера со многих ракурсов, и ты рано или поздно начинаешь замечать какие-то шероховатости и оплошности. Но не в случае с Даниэлем.

— Правда ли, что он часто просил вас: «Покажи!»

Говорят, актеры терпеть не могут, когда режиссер показывает им, как нужно играть.

— Только не Даниэль! Он действительно часто

говорил мне: «Покажи». Потому что он знал, что я, сочиняя сценарий, в некотором роде «обжила» в шкуру персонажей.

— У вас не было мысли сыграть одну из женских ролей — скажем, жены героя?

— Я не могу играть в своем фильме, мне нужен режиссер. Хотя я, конечно, мысленно играю за всех персонажей, когда пишу сценарий. Еще когда я сочиняю диалоги, я мысленно представляю себе их ритм, движение камеры, монтажные склейки. Даниэль сразу это понял. Он мгновенно принял мой стиль работы с актерами. Мне легче показать, чем заниматься психологическими выкладками. Мне кажется, что к эмоциям легче пробиться на инстинктивном уровне, нежели на теоретическом. Некоторые актеры не сразу к такому привыкают, но Даниэль и я нашли общий язык. Думаю, мы одинаково подходим к работе. Через несколько дней после начала съемок я вообще перестала давать ему какие-либо указания. Он приходил на съемочную площадку, садился, куда ему велели, и мы начинали снимать. Это было поразительно.

— Когда смотришь фильм, складывается впечатление, что он и не играет вовсе.

— Именно! Это за пределами актерской игры. Даниэль входит в зону, где не существует ни актерской техники, ни ремесла как таковых. Я видела его во многих ролях, он всегда великолепен, но здесь он совершенно не такой, как в предыдущих фильмах. Словно между ним и персонажем возникла какая-то загадочная связь. Он

буквально перехватил у меня эстафетную палочку и рассказал с экрана именно то, что хотела рассказать я.

— Что, если не секрет?

— Что человек, делающий больно себе, всегда — рано или поздно — переходит к тому, чтобы делать больно окружающим. Что страдание — обязательная принадлежность человеческой природы. Что даже в самых мрачных закоулках человеческой души можно обнаружить настоящую человечность. Даниэль играет подлинного трагического героя. Это персонаж, словно сошедший со страниц романов Раймонда Чандлера, Джеймса Эллроя или Сэмюэля Беккета. Даниэль играет человека с обнаженными нервами, отчаявшегося, брошенного людьми и Богом. В его игре есть что-то метафизическое, чего могут достигнуть лишь немногие актеры. Пачино тоже из этой породы. И вместе с тем Даниэль снимается в таких забавных фарсах, как, скажем, «Хамелеон». Он фантастический актер.

— У вас есть какое-нибудь объяснение его магнетизма?

— В первую очередь, конечно же, его мастерство. Во-вторых, в его внешности есть что-то особенное. У него удивительные глаза: зрачки не видны на радужной оболочке. Это чистая физиология, но за счет этого его глаза кажутся бездонными. И пронзительными, как дротики. Дротики, которые вас пронзают, бездна, которая вас затягивает. И когда он смотрит в камеру, зритель чувствует дискомфорт.

— Какой момент в фильме вам нравится больше всего?

— Мне нравятся практически все сцены. Например, сцена, когда он покупает детям попкорн и смотрит с ними телевизор в то время, как надвигается неотвратимое. В его лице, в выражении его глаз есть что-то бездонное, у меня кружится голова каждый раз, когда я смотрю эту сцену. Он стареет на столет в рамках одного планкадра. Словно он уже умер. И еще я очень люблю сцену, когда он смеется на обочине дороги. Мы снимали эту сцену экспромтом, рано утром, после ночи съемок. Почти все ушли, через пару часов мы должны были лететь в Париж. Мы с Даниэлем сделали всего один дубль, а саму историю, над которой он смеется, я добавила позже. Даниэль играл практически в пустоте.

— Вы сказали много хвалебных слов в адрес Даниэля Отея. Скажите, должен ли он чего-то опасаться?

— Опасности есть, но они исходят не от него. (Пауза). Ему стоит опасаться посредственной драматургии и режиссуры, людей, которые смеют предлагать ему роли, не соответствующие масштабу его таланта.

Экран и сцена —